

— Сяошань, догони её! — Вэнь И не знала наверняка, но обязана была выяснить всё до конца. Если существуют другие попаданцы, то, возможно, и её дочь оказалась в этом мире? Она должна была узнать, она ли это.

Сяошань в изумлении уставился на Вэнь И:

— Барышня... — он был в отчаянии. У него всего две ноги, а Сянь Цзинлю скачет верхом на четырёх. Как он может её догнать? После того как она умчалась на такой бешеной скорости, и след простыл. Где её искать? Сяошань был готов разрыдаться. — Она уже далеко... — всё же решился он сказать правду. У него не было ни единого шанса настичь ту, что уже скрылась из виду.

Вэнь И сжала кулаки, мечтая найти верёвку, чтобы связать и вернуть Сянь Цзинлю, но слова Сяошаня были справедливы. Сянь Цзинлю великолепно держалась в седле и успела ускакать очень далеко. Вэнь И стиснула зубы:

— Возвращаемся!

Как же она была зла! Если Сянь Цзинлю и есть её дочь, то её поведение... Вэнь И не хотела об этом думать, это было слишком страшно. Нет, она обязана во всём разобраться. Домой! Вэнь И забралась в карету. Сянь Цзинлю сбежала, но она её найдёт. Раз уж та решилась на побег, может, и ей стоит последовать её примеру?

Пока Вэнь И терзалась гневом, Сянь Цзинлю неспешно ехала верхом, напевая песни и любуясь пейзажами. Убедившись, что погони нет, она успокоилась и поехала шагом. Мир велик, а она понятия не имела, где искать свою матушку-королеву, оставалось лишь двигаться наугад.

Впрочем, она скучала по красавице Вэнь. Сянь Цзинлю тихонько хихикнула. Сейчас красавица Вэнь, должно быть, вне себя от ярости. Почему же ей так приятно доводить эту женщину до белого каления? Если бы не поиск матушки, она бы и дальше дразнила её. Вот бы ещё заполучить эту красавицу себе... Мысли об этом были такими приятными, но, увы.

В любом случае, красавица Вэнь осталась в столице, поместье Вэнь никуда не денется, так что она всегда сможет вернуться. Успокоившись, Сянь Цзинлю продолжила напевать под нос.

— Эй, страшила, что за песню ты поёшь? Звучит неплохо, — раздался женский голос. Сянь Цзинлю не обратила внимания.

— Эй, страшила, я к тебе обращаюсь! Та, что на коне!

Голос повторился. Сянь Цзинлю огляделась. На этой дороге, кроме неё, никого верхом не было. Неужели это её назвали страшилой?

Да вы издеваетесь! Если она страшила, то в этом мире вообще нет красавиц. Хотя нет, есть две: красавица Вэнь и матушка-королева. Сянь Цзинлю посмотрела в сторону звука и увидела

девушку в бледно-желтом платье, которая сидела на дереве, болтая ногами и с любопытством её разглядывала.

— Это ты сейчас говорила? — Сянь Цзинлю нахмурилась. У этой девицы глаза есть? Какая она страшила?

— А кто же ещё? Не призрак же здесь, — девушка продолжала болтать ногами, глядя на неё сверху вниз.

— И то верно, призраков тут нет, — Сянь Цзинлю огляделась и усмехнулась.

— Ты намекаешь, что это я призрак? — глаза девушки расширились от возмущения.

Сама ты призрак, раз выскакиваешь из ниоткуда и обзываешься! Сянь Цзинлю мысленно фыркнула. И в прошлой жизни, и в этой, в какой бы семье Сянь она ни рождалась, она всегда была писаной красавицей, умницей и мастером на все руки. А эта девчонка посмела назвать её страшилой! Просто возмутительно.

— Сама ты страшила! Где ты видишь призрака? Я живой человек! — разозлилась девушка, спрыгнула с дерева, преградила путь и уставилась на Сянь Цзинлю.

Сянь Цзинлю уверенно сидела в седле, приподняв бровь:

— Разве я говорила, что ты призрак? — она сама это сказала, а не я. Какая невыносимая особа, никакого удовольствия от общения. Красавица Вэнь куда лучше. Даже когда та злится, она прекрасна и очаровательна. А эта... ей лет пятнадцать-шестнадцать, совсем ребёнок. Не будет же она спорить с дитём. — Уступи дорогу, пожалуйста.

Сянь Цзинлю не хотела тратить время на разборки.

— Ты! Объяснись, кто тут призрак? — девушка не унималась, не давая проехать.

— Никто тебя призраком не называл. Ты сама это придумала. Малышка, у меня дела, будь добра, пропусти, а? — Сянь Цзинлю видела, что ребёнок незрелый. Она предпочитала зрелых и элегантных женщин — как её матушка или красавица Вэнь. Эх... она невольно вздохнула.

— Ты сказала! — упрямылась девица.

Сянь Цзинлю дёрнула уголком рта. Дети есть дети. Сама она в шестнадцать лет такой не была. Не желая продолжать диалог, она направила лошадь в обход, но девчонка расставила руки, преграждая путь. Куда бы Сянь Цзинлю ни сворачивала, та оказывалась на месте.

— Слушай, мелочь, чего ты хочешь? Мы ведь даже не знакомы, — Сянь Цзинлю была в недоумении. Откуда столько наглости?

— Извинись передо мной, скажи, что я не призрак, и расскажи, что за песню ты пела, — девчонка, видя, что Сянь Цзинлю пошла на попятную, стала ещё заносчивее.

— С какой стати мне извиняться за то, чего я не говорила? — Несносная девица! Сянь Цзинлю одарила её презрительным взглядом.

— Страшила, я сказала извиниться — значит, извинишься! — вспыхнула девушка.

— Слушай сюда! Ещё раз назовёшь меня страшилой, пеняй на себя! — Сянь Цзинлю закипала. Мало того, что она красавица, так даже если бы внешность была не в её вкусе, простая вежливость должна быть. Это просто невоспитанность.

— Ты и есть страшила, буду звать тебя так, и что ты мне сделаешь? Ударить? — девица смотрела свысока.

Ну, ты сама напросилась! Сянь Цзинлю пришпорила лошадь, направляя её прямо на девушку. Но в последний момент та ловко увернулась, схватила поводья, подпрыгнула и сбила Сянь Цзинлю с седла ударом ноги.

— А! — Сянь Цзинлю не ожидала такой прыти. Она вылетела из седла, прокатилась по земле и оказалась в пыли. Всё тело болело!

Сянь Цзинлю была готова рыдать. За что ей всё это? Откуда ни возьмись выскочила девчонка и сбросила её с лошади. И ведь она намного младше! Самое обидное, что её несчастная пятая точка пострадала ещё сильнее. Слезы навернулись на глаза. О небеса, за что вы так с моей пятой точкой?

Разве можно быть такой неразумной и распускать руки? Сянь Цзинлю ощупала ушибленную руку. Болело невыносимо. Она с ненавистью посмотрела на девицу, которая уже успела взобраться на её лошадь и теперь смотрела на неё сверху вниз.

— Будешь извиняться? — девица явно не чувствовала раскаяния.

— Смерть лучше позора! — Сянь Цзинлю сохраняла достоинство. Если она извинится перед ребёнком, как ей потом жить? Ни за что!

— Страшила, ты извинишься или нет? — девушка, казалось, была в ярости от такого упрямства.

— Мечтай! — Сянь Цзинлю не отступала, хотя внутри уже выла от боли. Она тоже учила кое-какие приёмы в современном мире, но, видя, как легко та спрыгнула с дерева и выбила её из седла, поняла, что не ровня этой девчонке.

Чёрт возьми, это же древность! В сериалах люди летали по воздуху, как она могла тягаться с такой? А у неё в арсенале лишь простая самооборона. Она могла бы справиться с парой хулиганов, но сейчас... Сянь Цзинлю была в отчаянии. Почему она не попросила матушку найти ей какого-нибудь мастера боевых искусств? Позор на всю голову.

— И ещё, тебя мать не учила уважению? Называть человека страшилой — это верх невоспитанности! Даже если бы я была уродлива, нельзя же так прямо говорить. Ты не думаешь, что можешь ранить хрупкое сердце? А если человек после этого наложит на себя

руки? Ты возьмёшь на себя грех убийства? Как ты согласишься в глаза родителям, дедушкам, бабушкам? Как ты согласишься перед лицом мира...

— Замолчи! — девица не выдержала потока слов. Она видела много самовлюблённых людей, но таких — никогда. От слов Сянь Цзинлю её чуть не стошнило. И болтунов видела, но не таких!

Видя, что та сдалась, Сянь Цзинлю едва заметно улыбнулась. Сяоми говорила: против неадекватных людей это лучшее средство. И это сработало. Дети есть дети. Раз не можешь победить силой, победи красноречием.

— Ты, страшила, с чего ты взяла, что я перед кем-то виновата? — девица всё ещё кипела.

— Ну вот, опять! Так и до проклятий недалеко, — Сянь Цзинлю с предупреждающим видом поднялась и отряхнулась. Боль была терпимой, она поняла психологию этой девчонки и больше не торопилась ссориться.

— Какое мне дело до земли? Почему я должна перед ней извиняться? — девица была в замешательстве. Сянь Цзинлю была странно одета, но пела так красиво и говорила вещи, которых она никогда не слышала. Гнев сменился любопытством.

— Хм... — Сянь Цзинлю прочистила горло и с серьёзным видом посмотрела на неё: — Ты знаешь, что без этой земли тебя бы не было? Без деревьев, трав, без людей не было бы твоих предков, твоего отца и тебя. Понимаешь связь? Если ты совершишь преступление, ты предашь родителей, дедов и саму землю, что тебя вскормила. Разве я не права?

Она плела интриги, запутывая девчонку. Было ясно, что та неопытна и просто пользуется своей силой. Если бы Сянь Цзинлю позволила так с собой обращаться, она не была бы собой.

Девица склонила голову набок, задумавшись. Похоже, слова Сянь Цзинлю имели смысл.

— Эй, не ожидала. Ты хоть и страшненькая, но говоришь дельные вещи. Только у меня нет родителей, только учитель.

— Значит, ты подводишь учителя, — отрезала Сянь Цзинлю. — И ещё, сколько раз повторять? Я писаная красавица, изящная и грациозная... — она закатила глаза. Больше всего она ненавидела критику внешности. В современном мире все парни были очарованы её красотой.

Девица снова внимательно осмотрела её с ног до головы, пытаясь найти хоть что-то прекрасное, и ткнула пальцем в Сянь Цзинлю:

— И это ты называешь «писаной красавицей»? А «изящная и грациозная» — разве это не для мужчин? — она никогда не видела, чтобы девушка так себя описывала.

— Кто сказал, что эти слова только для мужчин? — Сянь Цзинлю презрительно фыркнула.

— В книгах так написано, — честно ответила девушка.

— Пф, слепо верить книгам — лучше вообще не читать, — парировала Сянь Цзинлю.

Девушка задумалась и согласно кивнула:

— О, похоже, ты права.

— И вообще, мой вид... — Сянь Цзинлю вдруг вспомнила, как её «преобразила» красавица Вэнь. Она видела себя в зеркале и была в ужасе. Неудивительно, что её называют страшилой. Она сама себе противна.

— Малышка, где тут поблизости вода? — Сянь Цзинлю брезгливо потянула за край грязного платья. Ей нужно было смыть с себя эту дрянь.

— Как ты меня назвала? — удивилась девушка.

— Ну, я же не знаю твоего имени. Ты выглядишь юной, поэтому я и сказала «малышка». Неправильно? — Сянь Цзинлю опасалась её силы. Если та снова выйдет из себя, она не успеет сбежать.

— Ты считаешь меня другом? — в глазах девушки вспыхнул огонёк.

Ого. Неужели у неё никогда не было друзей? Она ведь говорила, что у неё только учитель. Хотя, разве у мастера не должно быть других учеников? Но её волнение казалось искренним. Сянь Цзинлю решила: лишний друг лучше врага. Если они подружатся, та перестанет применять насилие.

— Конечно. Не зря говорят: не подерешься — не подружишься. Ты не хочешь со мной дружить? — Сянь Цзинлю сделала вид, что огорчена.

— Нет, что ты! У меня с детства не было друзей, только учитель. Я так рада! Меня зовут Синь Вэй. А тебя? — лицо девушки просияло.

Сянь Цзинлю прониклась симпатией. Быть одинокой — это так печально.

— Меня зовут Сянь Цзинлю. Сянь — две капли воды, Цзин — две капли воды, Лю — три капли воды.

— Почему в твоём имени так много воды? — снова удивилась Синь Вэй.

Сянь Цзинлю усмехнулась:

— Потому что мне сейчас очень нужна вода. — Она ответила уклончиво, но напредила о своей просьбе.

Синь Вэй рассмеялась, забыв все обиды. Она была счастлива обрести первого друга.

— О, я знаю, где поблизости есть вода, я провожу тебя. Мы теперь друзья! Ты старше, можно я буду звать тебя сестрица Лю?

— Конечно, Синь Вэй. А почему ты одна? Где твой учитель? — Несмотря на её мастерство, путешествовать одной опасно. Мир полон злодеев.

— Хи-хи, я отправилась странствовать по миру! — Синь Вэй постаралась сменить тему.

Сянь Цзинлю мысленно вздохнула. Такая наивная, а туда же — странствовать! Похоже, все в этом мире мечтают о странствиях, не понимая, что везде, где есть люди, есть и свои опасности. Сянь Цзинлю была уверена, что девчонка просто сбежала из дома.

Синь Вэй с восхищением смотрела на умытую Сянь Цзинлю. Теперь понятно, почему та использовала такие громкие слова — у неё были на то основания. Большой цветок с волос был убран, и, несмотря на лёгкую растрёпанность, её лицо выглядело безупречно.

— Сестрица Лю, ты такая красивая, — искренне восхитилась Синь Вэй.

<http://bllate.org/book/20969/2128439>